

Месть Сирано и другие

4 мини- пьесы из серии «Подростковые страдания»

1. Чёрные люди с белым порошком

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Геннадий, 15-17 лет

Эльвира, 15-17 лет

Голос

Геннадия вталкивают в актальный зал школы, следом летят швабра с красной тряпкой и ведро. У Геннадия ушиб на лице и взъерошенные волосы.

Голос. Чтоб всё блестело, умник!

ГЕННАДИЙ. Да пошла ты! Достали все! Все!!! (*Бьёт по ведру, моет со злостью пол.*)

Голос. К тебе помощница! Такая же... (*Вталкивают Эльвиру с «комплектом».*) Вам только уборщиками и быть, отродье!

ЭЛЬВИРА. Привет, ты из «Бэшек»? А я из «А». Эльвира.

ГЕННАДИЙ. Я тебя знаю. (*Жмёт протянутую ручку.*) Геннадий.

ЭЛЬВИРА. Тебя за что? Курил? (*Замечает ушиб.*) А... драка. Кого отдубасил?

ГЕННАДИЙ. Это меня. Вонючка по литре. За волосы – и об дверь. Лицом!

ЭЛЬВИРА. Ванюкова может. Она и меня в сортире один раз *так* замочила! Губы ей мои красные не понравились! «Смотри на меня! Я – само естество!» И больно так – тряпкой мокрой! Всё лицо исцарапала когтищами. А тебя за что?

ГЕННАДИЙ. Не тот стих я ей выучил! Сказала же сама: «Выучить любой, для вас актуальный. Будет комиссия, не ударьте в грязь лицом»... Да я целую поэму выучил! Ещё давно, если честно. «Чёрный человек». Есенина. С детства запала. Вот я и читаю: «Чёрный человек водит пальцем по мерзкой книге и, гнусавя надо мной, как над усопшим монах, читает мне жизнь какого-то прохвоста и забулдыги, нагоняя на душу тоску и страх. Чёрный человек, чёрный-чёрный»... Не, ну откуда мне было знать, что как раз сегодня в Америке президента иннагуировали? Обаму этого. И он на библии их клялся, или на конституции – один хрен. Да я новости их обамские – ваще не смотрю! Тебе смешно, а у меня вторая пара по литре. И лицом ударенный.

ЭЛЬВИРА (*смеётся*). Ой, не могу! Обалдеть! «Чёрный человек водит пальцем по мерзкой книге... какого-то прохвоста и забулдыги»...

ГЕННАДИЙ. А тебя чего тут горбатят? Ты же отличница.

ЭЛЬВИРА. Уже не отличница. Конфетки у родителей кончились. Кризис. А денег нет – добро пожаловать – в рабы. Шторки постирай, в аптеку сбегай, дивиди перепиши, да на

свои гроши... А тут ещё – и из концерта мой номер сняли, прикинь. Мой номер! Я же каждый год выступала! Ну, ты знаешь. Так вот, прихожу я щас к директрисе, спрашиваю: «Почему?» А она Вонючке твоей подмигивает, они обе ухмыляются и конфетки кофеём запивают. Типа – и нет меня. Повторяю: «Почему?» А директриса – так, через губу в шоколаде: «Дети безработных – только на улицах выступают». Пронюхали, коросты, что отца сократили. И ржут ещё обе! Я и не стерпела. У меня в сумке белый порошок как раз был. Стиральный, чтобы парты драить. Так я взяла его и высыпала – прямо на конфеты. И ещё дунула на них! Фу-у-у! Вот – всё, что осталось. *(Показывает кулёк с порошком, вытряхивает остатки в ведро.)*

ГЕННАДИЙ. Да ты прям герой революции! И за меня Вонючке отомстила! Пусть сами тряпками своё «естество» теперь восстанавливают!

ЭЛЬВИРА. Тебе смешно, а меня, небось – и из хорошисток уволят.

ГЕННАДИЙ. Печально, но всё равно смешно. Тебя – за белый порошок, меня – за «Чёрного человека». За акт неповиновения – мыть актовый зал.

Моют.

ЭЛЬВИРА. Узники совести... Достали все! Все!!! Прикинуться, что ли, серой мышкой? И быть как все: «Чёрный с белым не берите, да и нет не говорите».

ГЕННАДИЙ. Зачем? Чёрный с белым – цвет скунса! Мы ещё покажем этим Ванюковым – как скунсы воюют! Слушай, а какой у тебя номер сняли?

ЭЛЬВИРА. Да так – революционный. Заказуха... Скорей бы уже свобода!

ГЕННАДИЙ. Нет, ну, эту школу – не отмыть! *(Моет.)* А ты куда поступать будешь?

ЭЛЬВИРА. В театральный, конечно! Я ведь уже в театре играю. В студии. Знаешь?

ГЕННАДИЙ. Знаю. Я тебя видел на сцене.

ЭЛЬВИРА. Правда? Что смотрел?

ГЕННАДИЙ. Я всё смотрел. Где ты...

ЭЛЬВИРА. А чего не подходил?

ГЕННАДИЙ. Да как-то... Не знаю. Всё собирался. Даже думал к вам в театр, в артисты. Но... Это ж номер надо подготовить. А я только «Чёрного человека» и знаю. «Друг мой, друг мой, я очень и очень...» *(Смотрит на Эльвиру.)* Как думаешь, сойдёт за номер?

ЭЛЬВИРА. Вполне, хотя... А давай мы – мой номер на двоих сделаем, а Ген? Революционный. Я тебе подыграю. И зови меня Элькин. Ты мне понравился.

ГЕННАДИЙ. Правда? Я готов! *(Поворачивает швабру красной тряпкой вверх и держит её, словно знамя.)* Что делать, командир Элькин?

ЭЛЬВИРА. «Вихри враждебные». Знаешь песню?

ГЕННАДИЙ. Ещё бы! У меня бабуля эту песню часто поёт. На грядках.

ЭЛЬВИРА. Класс! Давай на сцену! *(Забираются на сцену.)* Смотри – зрителей сколько! Ну, представь!

ГЕННАДИЙ *(смущённо)*. Нет, я не смогу. Это в образ надо войти. В материале быть. А я... Что я про эту революцию знаю? Ленин на броневике, белогвардеец на коне...

ЭЛЬВИРА. Да, так не пойдёт... А ты представь, что там – училки наши во главе с Вонючкой, вооружённые указками и двойками! С губами в шоколаде! Представил? *(Геннадий входит в образ.)* А тут мы – безвольные рабы, униженные и оскорблённые. Чёрные люди с белым порошком. Нам нечего терять, кроме наших друзей. Представил?! Отлично. Оружие! Знамя! Вперёд!

ГЕННАДИЙ и ЭЛЬВИРА (*поют со швабрами и красными тряпками*).

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.

Но мы подыдем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.
На бой кровавый,
святой и правый
Марш, марш вперед,
рабочий народ.

Так и выходят из зала – со швабрами, маршем, повторяя припев.

2. Месть Сирано

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Глеб, 15-17 лет

Борис, его младший брат, 12-15 лет

Комната, в которой живут два брата-подростка. Одна половина комнаты убрана, в ней всё разложено по полочкам и много книг. В другой части комнаты – бардак, разбросаны спортивные вещи и гантели, диски и гитары. Большой стол так же поделен братьями на две зоны. Глеб – крепкий и симпатичный парень – сидит за своей стороной стола, закинув на него ноги. Он что-то жуёт и листает дневник. Слышно приближающиеся к двери быстрые шаги. Глеб сразу кидает дневник на другую – аккуратную – сторону стола. Он едва успевает что-то быстро спрятать за спиной, как в комнату влетает разъярённый Борис, сотрясая пустым кульком.

БОРИС. Тут ещё оставались! Где они?

ГЛЕБ. Лови! (*Кидает из-за спины пустые фантики от батончиков «рот-фронт».*)

БОРИС. Ты всё сожрал?! Один? (*Собирает фантики.*)

ГЛЕБ. Прости, брат. Понимаешь... Я просто – задумался.

БОРИС (*подсчитывая фантики*). Интересно, над чем же ты мог задуматься?

ГЛЕБ. Да просто так – задумался. Когда... твой дневник читал.

БОРИС. Сволочь! Где он?! (*Выпускает фантики и начинает рыскать по комнате в поисках дневника.*)

ГЛЕБ. Понимаешь, брат, я его...

БОРИС. Что?! (*Зверевт.*)

ГЛЕБ. Я его – обратно положил... К учебникам.

БОРИС. Фу ты, школьный... А зачем брал?

ГЛЕБ. Да так. Забыл, как пятёрки выглядят. А у тебя – и «вне школьный» есть?

БОРИС. Не найдёшь! Тьфу... Я же только писал в него.

ГЛЕБ. Небось, про меня пишешь? Представляю.

БОРИС. Фантазии не хватит!

ГЛЕБ. Да ладно тебе, Бор! *(Достаёт из кармана две конфетки с явно подмятой репутацией и протягивает брату.)* Вот – две осталось. Бери обе, я обожрался.

БОРИС. Ну, нет уж! Опять с дерьмом, да?

ГЛЕБ. Да зуб даю! Наши любимые. Ты чего, Бор? Вспомнил старую шалость.

БОРИС. Ах, это была шалость? Шалость, значит, да? Меня рвало неделю, а на эти батончики я целый год смотреть не мог! Это шалость?!

ГЛЕБ. Откуда я знал, что ты кошачью какашку от конфеты не отличишь?

БОРИС. Я тебе доверял, Глеб! Ты же мой старший брат, Глеб. Я тебе доверял... Понимаешь, Глеб? Доверял!!!

Борис опускается на пол, машинально сгребает все фантики, утыкается лицом в дрожащие ладони, полные измятых бумажек и – рыдает. Глеб приседает рядом.

ГЛЕБ. Слушай, ну... лет семь прошло, ты чего? Я и забыл.

БОРИС. Ничего, сейчас вспомнишь! *(Решительно встаёт.)* Прошло – ровно семь лет.

ГЛЕБ. Годовщина, да? Отметим? И девочек позовём. А?

БОРИС. Заткнись и слушай! *(Распрямляется, выдерживает театральную паузу.)* И тогда, ровно семь лет назад, было два последних батончика. Мой и твой. Только один был – неполноценный какой-то, поменьше. Ты предложил сравнить шансы и угадать – в какой руке. Я выбрал целый! Я – победил! Засунул его в рот, глотаю, почти не прожевав... И только тут понимаю – что это! Меня рвёт, а ты хохочешь: «Кот накакал – Борька съел!»

ГЛЕБ. Правда, смешно было! Я и не думал, что ты дерьмо съешь.

БОРИС. Да когда ты вообще думаешь?! Да ты всю жизнь мою с дерьмом смешал, понимаешь? Я – никто! Я просто – твой брат. Ненавижу! И все эти твои друзья... «Привет, Бор. Как дела? Нормально. А где Глеб? Ты Глеба не видел? Передай Глебу. Спроси у Глеба. Где Глеб? Где Глеб? Где Глеб?» Девушка у меня была – даже она у меня спросила: «Где Глеб?»

ГЛЕБ. Ну и что? И у меня про тебя спрашивают. Иногда.

БОРИС. Спрашивают, да: «Глеб, ты один придёшь или с Бор-машиной?»

ГЛЕБ. Ты и правда, Бор... Хотя бы в компаниях не зудил бы, а?

БОРИС. Да куда уж мне! Ты один у нас такой – неординарный! Все хотят Глеба! Всех он смешит, все его любят! Да что в тебе такого? Троечник, дубина, пофигист! Даже дневник не ведёшь! Меня это бесит! Бесит! Как мёдом мазан. А мне что остаётся? Что?! Дерьмо жрать? Как тогда? Да?

ГЛЕБ. Вот – опять зудишь. Ну, как тебя Бор-машиной не звать? Да пошутить я тогда хотел, понимаешь? Это была – шутка! Может и глупая, согласен. Но мы мелкие ещё были. Семь лет прошло, пора бы уже – и забыть вкус дерьма.

БОРИС. Забыть? Такое – не забывается! *(Выбегает из комнаты, но тут же возвращается с кошачьим сортиром.)* Сегодня кот помер.

ГЛЕБ. Да, жаль нашего Сирано. Я и конфеты сожрал случайно – о нём думал.

БОРИС. Скажи Сирано спасибо. Сегодня закончился срок твоего наказания.

ГЛЕБ. Ты о чём?

БОРИС. О дерьме! *(Торжественно водружает сортир на стол рядом с подмятыми батончиками.)* Семь лет я чистил этот сортир Сирано и собирал дерьмо.

ГЛЕБ. Собирал? Зачем?! Да за семь лет он сто-о-олько...

БОРИС. Я брал только лучшее!

ГЛЕБ. Лучшее дерьмо? Ну, насмешил! Браво, брат, не ожидал!

БОРИС. Заткнись и слушай! Да, семь лет я собирал дерьмо Сирано. И скажи ещё спасибо, что только лучшее! За семь лет получилось почти два килограмма. Я взвешивал. На кухонных. Так вот сейчас... *(С отрепетированной непринуждённостью достаёт свой «вне школьный» дневник из кошачьего сортира с двойным дном.)* Сейчас, брат, ты услышишь свой приговор!

Ничего не понимающий Глеб молча наблюдает за действиями брата. А Борис, с трудом сдерживая победоносную улыбку, легко, по закладочке из фантика, находит нужную страницу, прокашливается и торжественно зачитывает:

БОРИС. За семь лет, брат, ты сожрал ровно один килограмм, восемьсот сорок четыре грамма кошачьего дерьма!

В воцарившейся тишине слышно лишь урчание в животе Глеба.

ГЛЕБ. Чокнутый! Не ел я твоего дерьма. Зуб даю! Уж я – способен отличить конфету от кошачьей какашки!

БОРИС. А вот и ел! Зуб даю – ел!!! Я высушивал дерьмо, измельчал. А потом... Тебя же всегда не дозовёшься обедать, так? Вот пока ты копался – я и подсыпал! Вот так! *(Изображает.)*

ГЛЕБ. В мою тарелку? *(Борис с ухмылкой кивает в ответ.)* Семь лет?!

БОРИС. Каждый день!

Теперь уже старший брат опускается на пол, мгновенно потеряв контроль над привычной упругостью накаченных ног.

БОРИС. Итого, брат, за семь лет, плюс ещё полдня, с учётом добавки за вчерашний обед, ты съел ровно один килограмм, восемьсот сорок четыре грамма кошачьего дерьма! Доказательства – в дневнике! Тут всё дерьмо записано – до грамма! Ну как? Чувствуешь вкус дерьма?!

Для большего эффекта Борис трясёт дневником перед носом ошалевшего Глеба, скорчившегося на полу. Глебу явно поплохело. Рвотные порывы накатываются волна за волной, но, так и не найдя выхода, переходят в энергию судорожного кашля.

БОРИС. Вот теперь, брат, мы с тобой – в расчёте!

Борис счастлив. Видно, что он хочет сказать ещё что-то вроде «Ха! Ха! Ха!», но тут он замечает, что постепенно кашель Глеба начинает сменяться хохотом.

ГЛЕБ. Семь лет! Ой, не могу! Семь лет!

БОРИС. Тебе смешно?!!

ГЛЕБ. Ещё бы! Целых семь лет ты кормил дерьмом – сам себя!

БОРИС. Себя?! Сам?..

ГЛЕБ. А кто же? Ты сам его собирал, сушил, измельчал, подсыпал...

БОРИС. Ну да, да...

ГЛЕБ. Понимаешь, Бор, я нашёл твой дневник. И просто – менял тарелки!

И тут Борис исчезает. Нет, он ещё стоит, но его уже нет. Поворот был настолько резким, что он не успел нажать на тормоза и теперь падает в пропасть. Его спасает подступающий рвотный приступ. Борис зажимает рот и несётся по направлению к маленькой комнате, в которой он так старательно вёл летопись своей дерьмовой жизни.

А Глеб спокойно встаёт, оправляется, садится за стол и начинает медленно разворачивать один из оставшихся в живых батончиков.

ГЛЕБ. Ох, брат, брат... (Засовывает в рот коричневый мятый цилиндрик.) Да я же пошутил! Просто – пошутил. Как и тогда, ровно семь лет назад.

Глеб откидывается на спинку стула, задирает ноги на стол и начинает медленно разворачивать вторую конфету.

ГЛЕБ. Ты не ошибся тогда с выбором, брат. У тебя, брат, его просто не было. Потому что с дерьмом тогда были – обе конфеты. Обе! Чтобы ты ненароком – не промахнулся!

Глеб хохочет, запихивает в себя второй батончик и – давится. Он надрывно кашляет, плотно зажимает обеими руками измазанный рот и бросается за Борисом. Что делать – дерьмо всегда вылезает наружу.

3. ЕГЭ-гэй

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Геннадий, 15-17 лет

Эльвира, 15-17 лет

Отец Геннадия

Геннадий мается во дворе, ждёт. Проходит Эльвира с кульком.

ГЕННАДИЙ (окликает). Элькин!

ЭЛЬВИРА. Привет, Ген! (Быстро целуются, озираясь на окна высоток.)

ГЕННАДИЙ. Что так поздно?

ЭЛЬВИРА. Да бабуля пирожки допекала.

ГЕННАДИЙ. Допекла?

ЭЛЬВИРА. Пригорели. (Показывает.)

ГЕННАДИЙ (берёт и рассматривает пирожок, но так и не решает его попробовать). Так и мы с тобой – обуглимся скоро. От этой допёки.

ЭЛЬВИРА. Опёки.

ГЕННАДИЙ. Опёки-допёки... Да ну их! Дома – нельзя, в школе – нельзя!

ЭЛЬВИРА (голосом бабушки). Пока румяные и нежные – надо ещё подержать, чтобы коркой покрылись. А то, ежели без корки, то и упасть могут.

ГЕННАДИЙ. Кто?

ЭЛЬВИРА (*смеётся, показывает на пирожок в руках Геннадия*). Пирожки!

ГЕННАДИЙ (*после паузы*). Слышь, Элькин, может мы их – под ЕГЭ как-то раскрутим? Типа – готовиться будем вместе. А?

ЭЛЬВИРА. Ага, щас. Ты ж мою сестрицу знаешь. Помесь таксы с ротвейлером.

ГЕННАДИЙ. Что, ноги короткие?

ЭЛЬВИРА. Нюх зверский! Ищейка-сторожевая. Да ещё и маман ей сказала, что если кого ко мне пропустит – не видать ей летом Парыж.

ГЕННАДИЙ. Да, эта – не пропустит.

ЭЛЬВИРА. Может, у тебя? У тебя же только – бабуля.

ГЕННАДИЙ. Если бы! Бабуля как раз на даче отвисает – на грядках. У меня папан сейчас дома. Весь день!

ЭЛЬВИРА. А что не на работе?

ГЕННАДИЙ. Докторантура у него началась.

ЭЛЬВИРА. Больной совсем?

ГЕННАДИЙ. Докторскую строгаёт. Диссер.

ЭЛЬВИРА. А... На кухне?

ГЕННАДИЙ. В сортире! У него только там (*Голосом Отца.*) «мы-ы-ысли лью-ю-ются»... Не, с папан – дохлый номер. После того, как он нас с тобой застукал в ванне!

ЭЛЬВИРА. А что мы такого делали, Ген? Не, ну поцеловались, так прям всё, типа – девственность потеряли!

ГЕННАДИЙ. А ты теряла?

ЭЛЬВИРА. Ген, да как ты... Ты же знаешь!

ГЕННАДИЙ. Не, ну, что со мною было-не было – я знаю. Так – интересуюсь. Два дня не виделись, пока ты у бабули пирожки пекла. (*Надкусывает пирожок.*) О, с перчиком!

ЭЛЬВИРА. Дурак!

ГЕННАДИЙ. Прости! Ну, глупая шутка, ну, ладно, Элькин, ты что?.. (*Кидает пирожок в кулёк.*) Я что-нибудь придумаю. Обязательно придумаю! (*Пытается обнять Эльвиру.*)

ЭЛЬВИРА. Всё равно дурак! Дурак! Дурак! Дурак... (*Прижимается.*)

ГЕННАДИЙ. Ну, вот. Так я согласен и дураком быть... Я люблю тебя, Элькин!

ЭЛЬВИРА. И я.

ГЕННАДИЙ. Пирожок мой румяный! (*Целует в щёчку.*)

ЭЛЬВИРА. Шуточки у тебя!

ГЕННАДИЙ. Это не шуточки. Не шуточки! Элькин, слушай, я не хочу так! – Не хочу, чтобы ты коркой покрылась, чтобы обуглилась!

ЭЛЬВИРА. И я не хочу.

ГЕННАДИЙ. Что делать будем?

ЭЛЬВИРА. Не знаю... Может, ребёнка?

ГЕННАДИЙ. Да ну, Элькин, зачем?!

ЭЛЬВИРА. Если ребёнок будет, то куда не денутся. Сразу – открыточки свадебные с херувимчиками: «Э плюс Гэ» и тра-ля-ля... Ещё и подарками завалят. Если ребёнок.

ГЕННАДИЙ. Так нечестно.

ЭЛЬВИРА. Да.

ГЕННАДИЙ. Ребёнок – это ответственность.

ЭЛЬВИРА. Ты прям, как маман моя говоришь!

ГЕННАДИЙ. Я так не говорю. Я так – думаю!.. Нам школу надо кончить, поступить, обустроиться, а там уж... Ну, и пожениться ещё.

ЭЛЬВИРА. А не обуглимся?

ГЕННАДИЙ. Не обуглимся. Если не будем друг друга – допекать.

ЭЛЬВИРА. Я люблю тебя, Ген!

ГЕННАДИЙ. И я... *(Обнимаются.)*

Голос ОТЦА *(из окна).* Генна-а-ади-и-й!

ГЕННАДИЙ. Пойдёшь со мною?

ЭЛЬВИРА. А как же – он?

ГЕННАДИЙ. Прорвёмся!

Геннадий и Эльвира бегут к высотке. Тихо входят в квартиру.

ГЕННАДИЙ. На цыпочках! Он – в сортире. *(Проходят в комнату Геннадия.)*

ЭЛЬВИРА. А если зайдёт?

ГЕННАДИЙ. Пускай!

ЭЛЬВИРА *(ставит кулёк с пирожками).* И что теперь?

ГЕННАДИЙ. Раздевайся!

ЭЛЬВИРА. К-к-как?

ГЕННАДИЙ. Быстро! *(Раздевает Эльвиру.)* Будем – мальчика делать!

ЭЛЬВИРА. А как же – ответственность?

ГЕННАДИЙ. Со всей ответственностью!

ЭЛЬВИРА. А почему не девочку?

ГЕННАДИЙ. Девочка нехляет. Будешь – мальчиком! *(Даёт свою одежду.)*

ЭЛЬВИРА. Фу ты! Опять шутки! *(Быстро переодевается. Геннадий ей помогает, с восторгом осматривая фигуру и «невзначай» дотрагиваясь.)*

ГЕННАДИЙ. Давай – волосы в бандану... О, серьги! На – и кеды мои детские.

ЭЛЬВИРА *(снимает серьги, натягивает кеды, позирует).* Ну как?

ГЕННАДИЙ. Нормально, пацан!

Голос ОТЦА. Генна-а-ади-и-й, я всё слы-ы-шал! Ты там с ке-е-ем?

ГЕННАДИЙ. С парнем из «Гэ»! Мы готовимся. К ЕГЭ. Ты не заходи, пап, ладно?

Голос ОТЦА. Ну, хорошо-о-о, я к себе пойду. Пойду-у-у... *(«Тупа» шаги.)*

ГЕННАДИЙ. Отлично! Давай! *(Заваливает Эльвиру на кровать.)*

Дверь тихо открывается. Геннадий и Эльвира, в облике мальчика, обнимаются и целуются. Отец медленно сползает по косяку двери и падает в обморок со словами:

ОТЕЦ. ЕГЭ-гей...

ГЕННАДИЙ. *Готов. (Отдаёт Эльвире её вещи.)* Переоденься в подъезде и – жди.
Элькин. Мой Элькин!

ЭЛЬВИРА. Думаешь, сработает наш «ЕГЭ-гэй»?

ГЕННАДИЙ. Если что – и у тебя повторим этот номер.

ЭЛЬВИРА. Будем делать – девочку?

ГЕННАДИЙ. А что? Я бы смогла-а-а... Ну, беги, Элькин, беги! Я люблю тебя!

ЭЛЬВИРА. И я. *(Целует Геннадия, убегает, оставив кулёк с пирожками.)*

ОТЕЦ *(приходит в себя, встаёт).* ЕГЭ-гэй... ЕГЭ-гэй...

ГЕННАДИЙ. Пап, я сам не знаю, так получилось... Без Эльвиры, понимаешь...

ОТЕЦ. ЕГЭ-гэй... Ничего-ничего, всё пройдёт, сыночек, ты только не волнуйся. Какой номер у Эльвирочки? *(Берёт телефон сына.)* Это всё ЕГЭ-гэй... ЕГЭ-гэй... ЕГЭ-гэй... Алло, Эльвирочка? А это – папа Геннадия. Что-то давненько вы к нам не приходи-и-ли... *(Выходит в другую комнату с телефоном.)*

ГЕННАДИЙ *(достаёт из кулька Эльвиры пирожок, с удовольствием его ест и исполняет танец под названием:)* Yes!!!

4. Молния в подъезде

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Геннадий, 15-17 лет

Эльвира, 15-17 лет

Глеб, 15-17 лет

Борис, его младший брат, 12-15 лет

Подъезд. Эльвира переодевается у окна. Она успела снять брюки, но юбку ещё не надела. Стоит в одних трусиках и майке.

Слышно как в подъезде открывается и захлопывается дверь. По лестнице спускается Глеб, откашливаясь и отплёвываясь.

Эльвира хватая юбку, но роняет её на пол, поднимает и прикрывается ею.

ГЛЕБ. О, а тут что за стриптиз?

ЭЛЬВИРА. Отсохни.

ГЛЕБ. Не, ну мне интересно. Это же не твой подъезд, Элькин. Повернись-ка.

Глеб пытается посмотреть на Эльвиру сзади, Эльвира поворачивается, прикрываясь юбкой. Но Глебу всё-таки удаётся уловить и вид сзади.

ГЛЕБ. О, какие булочки! Французские. Обожаю такие.

ЭЛЬВИРА. Глеб, давай без вот этих твоих... *(Натягивает короткую юбку, пытается застегнуть, но молния сзади заела.)* Блин. Лучше помоги. Молния что-то...

ГЛЕБ. Это мы легко.

Подходит сзади, пытается разобраться с застёжкой.

ГЛЕБ. Заело.

У Эльвиры звонит телефон. Глеб продолжает возиться с молнией.

ЭЛЬВИРА *(в телефон).* Алё. *(Глебу.)* Ай! Тише ты. *(В телефон.)* Да, это я. Вы?.. Ну вы же сами... Сейчас? Хорошо. Я только... переоденусь и приду. *(Отключает телефон.)* Ну чего там? Мне идти.

ГЛЕБ. Кто звонил?

ЭЛЬВИРА. Генкин папан.

ГЛЕБ. Так у тебя с папашей?!

ЭЛЬВИРА. Глеб, ты соображаешь вообще? Что ты несёшь? Так, хватит. *(Поворачивается к Глебу лицом.)* Фууу... Каким дерьмом от тебя... *(Отмахивается.)* Пил?

ГЛЕБ. Между прочим – коньяк. С горя. Сегодня брат такое замутил... Урод! Убил бы.

ЭЛЬВИРА. Он твой брат.

ГЛЕБ. Теперь он – мой раб. Сидит, запертый в сортире. Слушай, пойдём ко мне?

ЭЛЬВИРА. Разбежалась.

ГЛЕБ. Да не буду я тебя трахать. И даже тискать. Ты девушка друга. Увы... Поболтаем о том, о сём. Юбочку снимем, разберёмся. С молнией. Знаешь, как мне сейчас ласка нужна. *(Обнимает Эльвиру за плечи.)*

ЭЛЬВИРА. Отсохни, я сказала! *(Пытается поправить юбку.)* Блин, криво всё. Попробуй ещё. *(Поворачивается задом.)*

Глеб возится с молнией.

ГЛЕБ. Заело – намертво. Надо с той стороны посмотреть. Может, майка застряла. Или трусики.

ЭЛЬВИРА. Смотри.

Эльвира задирает юбку, Глеб смотрит.

ГЛЕБ. Трусики.

ЭЛЬВИРА. На молнию смотри!

ГЛЕБ. А я что. Трусики застряли. Давай к свету.

Глеб наклоняет Эльвиру с задранной юбкой к подоконнику, сам стоит вплотную сзади, склонившись, пытается починить замок, кричит.

ГЛЕБ. Так, ещё немножечко. Вот-вот, хорошо пошла. Ай, палец прищемила! Уф. Давай-давай, ну, моя хорошая. Блядь!

ЭЛЬВИРА. Как там?

ГЛЕБ. Процесс идёт, идёт. Ещё немножечко осталось, потерпи, Элькин... Хорошо-хорошо, уже скоро... Ну же! Так-так-так... О! И ещё немно-жеч-ко...

За каким-то странным уже кряхтением Глеба было не слышно, как к ним подошёл Геннадий.

ГЕННАДИЙ. Элькин?!

Эльвира и Глеб оглядываются, не меняя от неожиданности позы.

ЭЛЬВИРА. Гена? У меня проблема. *(Опускает юбку.)*

ГЕННАДИЙ. Вижу.

Геннадий бьёт Глеба в лицо.

ЭЛЬВИРА. Ты не понял, Ген.

ГЕННАДИЙ. Я всё понял. И как тебе с ним? Хорошо?!

ГЛЕБ. У меня штаны застёгнуты, придурок!

ГЕННАДИЙ. Так торчит, что скоро треснут. Бесконтактным методом, да? Чтобы девственность не потерять?

ЭЛЬВИРА. Глеб? *(Удивлённо смотрит на Глеба и его брюки.)*

Глеб прикрывается руками, как футболист в стенке.

ГЕННАДИЙ. Изощрённо. Не ожидал. *(Эльвире.)* Особенно от тебя.

Геннадий поворачивается и делает несколько шагов по лестнице вниз, но останавливается, оборачивается и кидается на Глеба. Драка.

ЭЛЬВИРА. Прекратите! Это всё молния. Гена! Глеб! Молния! Заела! Вот! *(Показывает.)*

Геннадий отвлекается на молнию, Глеб заваливает Геннадия, душит.

ГЛЕБ. Не повезло тебе, друг. Я сегодня очень зол.

ЭЛЬВИРА. Глеб, не надо! Гена! Ребята! Ну, пожалуйста! *(Плачет.)*

Глеб отпускает горло Геннадия, хватает его за грудки и кидает в сторону. Геннадий ударяется головой об батарею, падает без чувств.

ГЛЕБ. Ген, ты чего? Чёрт!

ЭЛЬВИРА. Гена? *(Склоняется над Геннадием, трясёт его.)* Генка, ты... Надо скорую. Я... Я сейчас...

Эльвира достаёт телефон, набирает, пальцы трясутся, не слушаются.

ЭЛЬВИРА. Алё! Скорее приезжайте! Что? Не знаю, он не движется. Головой об батарею. Да. Скорее! Ну это... Переходная, дом 5, нет, 7. Семь! Не квартира. В подъезде. Да. Скорее!

ГЛЕБ *(одновременно с Эльвирой, сам с собой).* Я его убил?! Я его убил? И что?.. Значит, я его убил... И всё. И теперь – всё? Всё?!

Пока Эльвира говорит по телефону, а Глеб сам с собой – Геннадий приходит в себя, присаживается, держась за затылок.

ЭЛЬВИРА. Генка! Живой!

ГЕННАДИЙ. Типа того.

ГЛЕБ. Фух.

ЭЛЬВИРА. Генка! Дурак ты, Генка! Я люблю тебя, Генка! У меня молния застряла на юбке, просто молния.

ГЕННАДИЙ. Шишка будет.

ГЛЕБ. Шишка не вышка. Прости, Ген. Это всё брат. Он сегодня такое выкинул!..

Незаметно появляется Борис. В его руках поддон, усыпанный фантиками, и «вне школьный» дневник.

ГЛЕБ. Бор?

БОРИС. Да вот, хотел мусор выкинуть.

Борис подходит к мусоропроводу, выкидывает туда мусор.

ГЛЕБ. Ты выбрался из сортира? Сам?

БОРИС. Не сидеть же там всю жизнь.

ГЛЕБ. И правда, брат.

Глеб обнимает брата, и они вместе идут вверх.

Эльвира и Геннадий обнимаются.

P.S.

Два кашляющих беззубых брата-старика выходят из подъезда. Это Борис и Глеб.

У подъезда на лавочке сидят старушка и старик – Эльвира и Геннадий. На руках у Эльвиры свёрток с младенцем.

ГЛЕБ. Здвафстфуйте, соседи! Как фнука нарекли?

ЭЛЬВИРА. Да, напекли пирожков, напекли.

ГЕННАДИЙ. И французских булок. *(Обнимает Эльвиру.)*

ГЛЕБ. Фот и мы тоше – на прогулку.

БОРИС. Не сидеть ше там фсю шизнь. *(Показывает палкой на окна высоток.)*

ЭЛЬВИРА. Да, будет дождь.

ГЕННАДИЙ. Молния сверкала.

ГЛЕБ. Вот и я говорю – осталось нам так мало.

БОРИС. Надо шизнью насытиться.

ГЕННАДИЙ. Ага, ещё увидимся.

Глеб и Борис идут на прогулку.

Старый Глеб извлекает из кармана и протягивает брату два помятых батончика.

ГЛЕБ. О, дфе конфетки зафалялись. Батончики. Ммм... Хочешь, Боренька?

БОРИС. Да ну их, Глебушка, – все жубы из-за них потеряли. Фнукам отдадим.

ГЛЕБ. Эт, дело. А хдешь эти фнуки?

БОРИС *(указывает посохом).* Да фон – кота нашего, Сирано, мучают.

ГЛЕБ. И поделом ему, этому Сирано! Его прапрапрадед сильно нам тогда насолил, помнишь, Боренька?

БОРИС. А? Не, не помню. Это днефники фсё помнят, Глебушка.

ГЛЕБ. Чегось?

БОРИС. Днефники, говорю, фсё помнят.

ГЛЕБ. А, да-да, только гофнюки фсё и понят...

И тут вдруг старики Борис и Глеб что-то одновременно вылавливают из склерозного болота братской памяти. Они переглядываются и глубоко призадумываются, опираясь на свои палки-посохи. Но думать им приходится недолго, так как раздаётся душераздирающее «Мяуу!» и детский рёв на два голоса.

БОРИС и ГЛЕБ (бегут, причитая неуместное в таком случае, для стороннего наблюдателя, заклинание). Сирано, Сирано! Ты прости нас, Сирано!

Но тугое на ухо эхо несёт в облака какой-то старческий бред:

«Всё равно, всё равно, ты прости нас, всё равно!»

КОНЕЦ

Ноябрь 2008 года и Сентябрь 2010года, г. Ростов-на-Дону
e-mail: anna-donatova@yandex.ru , <http://www.donatova.ru>